

ЗДРАВСТВУЙ, ОМСК!

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 31-й
№ 77 (4043)
Суббота,
20
июня
1959 г.

Цена 40 коп.

Подлинный хозяин

Глядите!

Вот гигант-завод.
Не передат любой рисунок
Его машин упрямый ход,
Могучий гул его форсунок,
Всю красоту его цехов
И дерзкий взлет несметных вышек.
На чьих железных острых крышах
Белеют ключи облаков...
Как здесь работать людям любя!
Из недр Башкирии родной
Сюда приходит нефть по трубам.
Чтоб стать стремительной волной
Мазута, битума, бензина.
В цехах свершая буйный бег.
Поет огонь. Гудят машины.
Гудит завод. А человек...
Стоит спокойно у приборов.
За спину руки заложив,
И держит в твердых, узких шорах
Огня колеблющийся норов,
Давления бешеный порыв.
Бежит покорно нефть тутая
Волной закованной реки.
На всем пути своем не зная
Прикосновения руки.
Прибор тонкая вибрация...
Далекий ровный гул машин...
Да! Человек — их властелин.
Вот что такое

автоматизация!

А. БЕЗЫМЕНСКИЙ

ОМСК



Омский нефтеперерабатывающий завод. У пульта управления — член бригады коммунистического труда Михаил Бутенко. Фото М. ТРАХМАНА

14 ИЮНЯ. Омск. Сюда прибыла выездная редакция «Литературной газеты». За неделю пребывания в Омске бригада московских литераторов выпустила два номера многотиражки «Литературная газета» в Сибири, листовки с поэтическими лозунгами, призывающими досрочно выполнить семилетку. Состоялись встречи со строителями нефтеперерабатывающего завода, рабочими шинного завода.

Писатели участвовали в творческой конференции начинающих поэтов и прозаиков. Сегодня члены бригады встретятся с творческой интеллигенцией города.

В воскресенье выездная редакция «Литературной газеты» отправляется в Красноярск. Материалы выездной редакции «Литературной газеты» читайте на 2-й странице.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Н. ОХЛОПОВ

ГЕРОЙ И ЭПОХА

Пишу это тебе как читатель, имеющий определенный вкус. Пишу потому, чтобы ты, пища, не чувствовал себя одиноким. Одиночество в творчестве — тяжелая штука. Лучшее плохая критика, чем ничего... Не так ли?

А. ЧЕХОВ

То, о чем мне хочется говорить с моими друзьями по театру — драматургами, — родилось как итог долгих наблюдений и раздумий над жизнью нашего общества, над нашим искусством. Но, может быть, эти размышления не смогли бы прийти к ясному, четкому итогу, и еще прошло бы немало времени, прежде чем они вылились на бумагу, если бы мне не выпала радость слышать выступление Никиты Сергеевича Хрущева на III съезде писателей СССР.

Речь Н. С. Хрущева явилась таким мощным катализатором процессов, происходящих в мозгу каждого из нас, работников искусства, она так прояснила наши задачи и определила пути советского искусства, что сегодня мы уже не можем топтаться в нерешительности на месте, мы должны работать по-новому, умно, целенаправленно, плодотворно. А для этого необходимо сделать все нужные теоретические и практические выводы из дружеских советов и указаний Н. С. Хрущева. И прежде всего, на мой взгляд, понять ту колоссальную роль, которую играет в нашем искусстве правильный выбор героя.

Когда я слушал слова Никиты Сергеевича о великой силе положительного примера, о пафосе труда, зажигающем сердца, о положительном герое, в котором обобщены лучшие черты и качества людей, мне невольно вспоминались слова М. Горького: «Наша молодая драматургия находится в счастливом положении, она имеет перед собой героя, которого еще никогда не было, он прост и ясен так же, как велик, а велик он потому, что не примирим и мятежен гораздо больше, чем все дон-Кихоты и Фаусты прошлого. Именно таким должен видеть его драматург для того, чтобы помочь ему почувствовать таким же себя». Есть живая связь между тем, что говорил в речи на съезде Н. С. Хрущев о положительном герое, и горьковскими мыслями по этому поводу. И связь эта рождена самой действительностью.

Да, новый герой нашей эпохи, выйдя на арену истории, начал такую гигантскую и непримиримую борьбу за счастье народов, за жизнь, достойную человека, за дружбу и мир, столько вынес и претерпел в этой борьбе, столько жертвовал во имя святынь идей социализма, что подвиг его не может быть преувеличен, и всегда будут в долгу перед ним литература и искусство. Никогда не забудет передовое человечество ни тех, кто, как Николай Павлович Власов, высоко поднял обгоревшую кровь пролетария и пробил путь к победе, ни тех, кто, как Николай Павлович Власов, высоко поднял обгоревшую кровь пролетария и пробил путь к победе, ни тех, кто, как Николай Павлович Власов, высоко поднял обгоревшую кровь пролетария и пробил путь к победе.

С великодушным творческим дерзанием, с великой смелостью подлинных новаторов создавали свои пьесы, ставшие подлинной классикой, отцы советской драматургии. Творчество этих первооткрывателей было полно с самого начала того необходимого каждому художнику пафоса, без которого не может быть создано что-либо поистине большое в искусстве. И вот рядом с нами живут, борются, вечно молодые и боевые, пьесы Маяковского, снова и снова ставят перед собой задачу «Половинчатая трагедия». Снова переполняют душу поэтические образы «Половинчатая трагедия». Снова переполняют душу поэтические образы «Половинчатая трагедия». Снова переполняют душу поэтические образы «Половинчатая трагедия».

В СУББОТНОМ НОМЕРЕ:
★ «Литературная газета» в Сибири.
А. Безыменский, В. Берестов, В. Захарченко, Е. Строгова.
★ Н. Охлопков. Герой и эпоха.
★ Конст. Федин. Летом в Ясной Поляне.
★ Ашот Граши, Владимир Лифшиц.
★ Новые стихи.
★ Владимир Беляев. В первые дни войны.
★ Степан Любим. Этого нельзя забыть.
★ Б. Леонтьев. В защиту Прометея.
★ Дружеские шаржи и эпиграммы.

Быть воинствующим философом, воинствующим глашатаям мира и справедливости — этого требует наша эпоха от любого деятеля искусства.

Об этом хочется говорить сегодня с теми, от кого особенно жажда создания образа героя нашего времени. Нашли ли вы своего героя и героя наших дней, Александр Володин, в пьесе «Пять вечеров»? Хорошо читается пьеса, очень талантливо написана, душевно, по-человечески, нет в ней картонных персонажей. Но, положу руку на сердце, позвольте сказать: персонажи пьесы — это ваши добрые знакомые — и только. Но это не главные герои наших дней.

Талантливый Володин начал искать героя с другого края, чем мы ожидали. Отразился во множестве зеркал, герой нашего времени раздробился на отдельные фигуры. Если смотреть на дальний план, то там увидишь и героев «Пяти вечеров». Приходится, значит, как то констатировать, идти осматривать галерею героев жизни с самой дальней комнаты и потом уже прийти в главную. Что же, выбор маршрута — право художника, но нам не унять законного нетерпения, столь понятного при встрече с подлинным талантом: мы ждем от него рассказа о главном, о самом главном герое нашего времени, об активном строителе коммунизма.

Нашел ли героя нашего времени другой, еще не маститый, но имеющий уже своих учеников талантливый Алексей Арбузов? Он с большой последовательностью утверждает, что героями могут быть самые простые люди. Арбузов как бы говорит: посмотрите на Таню, самую обыкновенную жену, даже забывшую институт ради своего семейного счастья. Что может быть обыкновеннее этого существа? Однако, когда приходит тяжелые жизненные испытания, Таня не становится на колени перед препятствиями, она возвращает себя нашему обществу, людям, делается активным и полезным человеком, становится воинствующим духовно прекрасной. И зрители любят эту человеческую пьесу, не случайно она прошла в Московском театре имени Маяковского бесчисленное число раз.

Арбузов стремится по-своему ответить на вопрос, кого считать героем драматургии. Он утверждает в своем творчестве простых, обыкновенных людей. Прекрасно, что и Виктор Розов увидел в этих людях «дух золотые россыпи». Интересны поиски других драматургов, в качестве героев избравших самых простых, обыкновенных людей. Пожелаем им доброго ветра в их плаванье. Но не кажется ли Арбузову и тем, кто идет в своих поисках героя по подобному же пути, что их персонажи, эти простые люди, должны быть не «просто простыми», а великими простыми людьми, творцами истории? Ведь не случайно говорил Гоголь: «... Чем предмет обыкновеннее, тем выше нужно быть поэту, чтобы извлечь из него необыкновенное...»

Зрители ждут появления на сцене «воинствующей личности», «человека миропонимания», сложного, дерзкого, сильного, хотя и необычайно скромного.

Конечно, художник может, если это диктуется его замыслом, любовно изобразить заморозочные тупицы, окрашенные проулочки с запятыми акациями, тренькавшие мандолины и гитары. Но реализм его не должен быть плоскостным, фотографичным воспроизведением явлений жизни. Художник должен увидеть этих людей прежде всего в том, в чем они интересны и сильны. Ведь это они по утрам идут на заводы, на фабрики, вечерами заполняют до отказа универсальные культуры. Надо уметь видеть, как даже в самых простых людях горят сердца, когда они узнают о какой-либо несправедливости. Как страстно мечтают они, как дерзко творят свое будущее.

И было бы хорошо, если бы талантливые драматурги, выбирающие себе героев из будничной, простой жизни, сделали все, чтобы не преуменьшить их внутреннего богатства и не давать им в жизни легкой ноши. Ведь Горький тоже изображал простого человека. Но его «простой» машинист Нил был машиной.

стем революции. Он был взят в огромной исторической перспективе, показан как человек гордого и свободного ума.

А какая бедная мыслью, чувствами молодежь часто встречается в современных «молодежных пьесах»!

О каком герое, «непримиримом и мятежном» гораздо больше, чем все дон-Кихоты и Фаусты прошлого, можно мечтать театрам, когда эмпирика, реализм, который Маяковский метко называл реализмом «на подножном корму», боясь романтического все еще царят и в театрах, и в драматургии, и в воззрениях некоторых критиков. Опрошение, опровержение, заземление до того дошло у «фанатиков реализма», что даже Ленин на сцене иной раз выводится заурядным, средним человеком. Так случилось, на мой взгляд, в пьесе Д. Зорина «Вечный источник».

Натуралисты отказываются от типических обобщений, им достаточно сказать: «Я сам это видел» или «Я собственными ушами это слышал», чтобы полагать, что тем самым вполне выполнен долг художника перед истиной.

Приверженцы плоского реализма не склонны произвольно отбросить и отсечь факты действительности, а тем более устанавливать свой взгляд на эти факты (как можно смеять свое суждение иметь!). Очень верно по поводу фактологичности в искусстве писал Ф. М. Достоевский, характеризуя рассказы Николая Успенского: «Большая часть г-н Успенский... вот как делает. Он приходит, например, на площадь и, даже не выбирая точки зрения, прямо, где попал, устанавливает свою фотографическую машину...»

(Окончание на 3-й стр.)

ЛИРИЧЕСКИЙ
РЕПОРТАЖ

Говорит Выставка...

ВЕРОЯТНО, все дороги на выставку ведут к павильону электрификации. Отсюда почему-то начинается осмотр. Это сложилось само собой, без помощи путеводителей.

Репродукторы ежeminутно возвещают:
— Говорит Выставка!

И рассказывают, с чего надо начинать. Но люди начинают с павильона электрификации. Смысл выставки в том, что она — школа опыта. Она показывает, чего мы достигли сегодня. А сегодня мы — крупнейшая электротехническая держава.

Два огромных трансформатора разместились у входа в павильон. Эти трансформаторы — родные братья волжских и сибирских.

А возле трансформатора стоит робот. Он принимает радиосигналы и двигает своей металлической мускулатурой. Проходит несколько лет, и формы робота изменяются: видны на двух ногах ему очень легко ходить. Человек создаст робота по своему образу и подобию. Покамест это — великая игрушка, невероятная сложная, восхитительная игрушка вроде говорящей куклы. Но завтра, когда эта игрушка получит серьезное задание, может быть, выяснится, что ей мало двух рук, что ей вовсе не обязательно иметь «плечи» или «голову» в том виде, в котором мы привыкли их видеть. И мы отойдем от фантазии, ставшей при помощи романов и повестей догмой. И, может быть, наши механические, электронные разведчики будут иметь по сто ног и по двадцать глаз и вовсе не будут пародировать человека.

Дружба! Фрейндшафт!

ПРИЕЗД в нашу страну дорогих гостей — партийно-правительственной делегации Германской Демократической Республики — послужит еще большему расцвету и укреплению дружбы двух народов.

Что это так, — наглядно свидетельствовали и волнующие встречи трудящихся Риги, Киева, Горького с представителями ГДР, и полное единство взглядов, нашедшее свое отражение в Совместном Коммюнике, и, наконец, грандиозный митинг, состоявшийся вчера в Большом Кремлевском дворце.

Естественно и закономерно назывались на этом митинге имена великих сынов немецкого народа — основоположников научного коммунизма — Маркса и Энгельса, имена выдающихся немецких ученых, музыкантов, художников, писателей. Советский народ любит и ценит немецкую культуру, искусство и литературу.

Но, конечно, главное, что звучало во всех выступлениях, — это слово «мир». Москвичи и наши гости говорили о необходимости приложить все усилия, чтобы предотвратить попытки реакции в третий раз за это столетие повести Германию по пути, который привел бы немецкий народ к национальной катастрофе.

И те, кто собрался в Кремлевском зале, и все, кто трудился в эти часы у мартенов и станков, в лабораториях или в поле, понимают, какое значение имеют встречи руководителей Советского Союза и ГДР для судьбы немецкого народа, для дальнейшего укрепления авторитета первого в истории Германии рабоче-крестьянского государства, для дела мира во всем мире.

В своем выступлении на митинге Н. С. Хрущев сказал: «Мы от всей души желаем трудящимся ГДР новых успехов в социалистическом строительстве, в решении задач дальнейшего подъема экономики и повышения материального и культурного уровня жизни населения республики».

К этим словам присоединяется весь советский народ.

Рапортует Пленуму:

Ангара перекрыта!

18 ИЮНЯ в пятнадцать часов тридцать минут вой сирены предупредил об взрыве. Над перемычкой, возведенной на Ангаре, выметнулось темное облако, и сразу же после гулко-го удара град щебня забарабанил по эстакаде.

Когда облако рассеялось, стала видна воронка, зияющая в теле перемычки. Но вода еще не шла. Выбросившая взрывом земля опоясала воронку метровым валом, преграждая нетерпеливо рушащейся воде путь в котлован. Один из взрывников, раньше других подбежавший к воронке, разгреб землю руками, и первая струйка воды блеснула на солнце, несмело переплещулась в воронку, и тут же, словно вспоминая о своей силе, Ангара показала свой норов: струя ширилась на глазах, и через несколько минут мутный кохматый поток с ревом низвергнулся в котлован. За несколько часов река срезала и верховую, и низовую перемычки и уже всерьез пошла по новому бетонному руслу.

В восемь часов вечера штаб перекрытия отдал приказ приступить к решению штурму — фронтальному перекрытию реки с металлического моста. Тотчас же на мост въехала колонна тяжелых самосвалов, груженных многотонными глыбами диабазов. На головных машинах, управляемых известными шоферами-строителями коммунизма Владимиром Завальским, Николаем Борзовым, руководителями комсомольско-молодежной бригады Левоном Назумом, Михаилом Догановым, Филиппом Блезским, развезаются красные переходники на соревнования за лучшую подготовку к перекрытию Ангара.

...В беснующийся под мостом поток полетели первые глыбы диабазов. Люди, вступившие в поединки с рекой, решительно и твердо нанесли первый удар. Ангара отмахнулась веером брызг. Слешком ничтожными по сравнению с ее мощью показались усилия, решившиеся покорить ее людей. Но машины шли на мост нескончаемой вереницей. Вслед за глухими ударами камня о воду взметывались фонтаны, обдавая водяной пылью работающих на мосту. А река все так же горбатым потоком рвалась под мост, и только все больше и

больше ключев пены уносило на гребнях стремительных валов... Сто пятьдесят шоферов вели «мазды» и «язы», пятнадцать крановщиков, и среди них такие мастера своего дела, как Иван Майоров, Дмитрий Пиликин, Николай Духовников, грузили каменные глыбы на самосвалы. Регулирующие, проворно перебегающие по мосту, взмахами красных флажков указывая место разгрузки. Девушки-учетчицы с педантичной тщательностью отмечали каждый рейс, гидрологи измеряли скорость течения и высоту напора. Больше всего поражало и восхищало, что, несмотря на стремительный и напряженный темп штурма, работа шла четко и даже, хочется сказать, спокойно. Тысячи людей, толпившихся на перемычке, на эстакадах и с волнением следивших за ходом борьбы, понимали, что в этом камушечном сплоскании — уверенность и мастерство, уверенность в могуществе коллективного, организованного творческого труда, уверенность, предопределяющая исход решающей схватки с могучей рекой.

Шли часы. К Падунскому сражению подползла ночь. Вспыхнули бесчисленные прожекторы. А машины все так же размеренно и точно шли на мост. И когда над утесами Пурсей загорелась зари, в высветенной воде стали просматриваться пока еще смутные очертания подводной каменной гряды, перекуренной прогорев.

Рекa напирала последние усилия, но это была уже ярость отчаяния. Глыбы камня уже почти выглядели из воды. Вспарывавшая об их острые углы, фонтанами забили косые струи.

19 июня в десятом часу утра последние потоки выглянули первый камень, а к полудню от берега до берега протянулась зубчатая каменная гребенка, и теперь уже не сплошной поток, а лишь отдельные струи прорывались сквозь каменный банкет.

В двенадцать часов тридцать минут на мост выезжает самосвал Серафима Логина. В реку летит диабазовая глыба с надписью: «Рапортует Пленуму: Ангара перекрыта!»

Ф. ТАУРИН,
собственный корреспондент
«Литературной газеты»
БРАТСК, 19 июня. (По телеграфу).

сто не представляют себе, как это делается без трактора, без культиваторов, без навесных или прицепных орудий. Они делают опытом. Им есть чем поделиться!

Техника обступила полянку. Павильон электрификации и павильон электрификации вклинились сюда, материально подтверждая, что коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны. Это — ее механизация, это — ее технический уровень ее работников.

Я хожу по выставке и думаю: не слишком ли много мы поражаем тому, что стало плотью и смыслом нашей жизни? Я думаю о том, не слишком ли много мы пишем стихов, в которых удивляемся тому, чему уже пора не удивляться? Мы живем в такое время, когда видеть меньше удивительного, чем раньше или бедарка. Мы выросли в державу, национальный символ которой стали анкерные матчи и миллионы киловатт.

Здесь показано наше сегодня, наша грандиозная перспектива. Не мечта, а реальность. Можно быть посетителем, можно быть помощником, можно быть строителем, можно быть строителем. Они торопятся передать свой опыт, чтобы донести нашу технику вперед, вперед...

Музыка звучит над выставкой. Хорошая, веселая музыка. Поют хоры, звучат оркестры. Возле павильона легкой промышленности и ости и играет Штраус. Штраус как-то очень подходит к легкой промышленности.

Особенно, приподнятое настроение парит над выставкой. Хорошее, уверенное настроение.

— Говорит Выставка! Говорит Выставка!

Л. ЛИХОДЕЕВ
Рисунки автора.

ПОЧТИ три тысячи километров стальной нити. На нем мосты, города, станции, грохочущие формы мостов, под которыми текут великие реки России. Чистая голубая Ока с заплывшими пляжами, белым разливистым паромом у подножия красной дачки. Такая же чистая зеленая Кама с беспокойной флотилией мелких лодок и вытнутыми сигарами плотов. Маленькие буксирные, словно муравьи, напруга последние силы, влекут куда-то эти растапливающие километры древесины.

А задолго до Камы мимо пронеслась Волга, усеянная отражениями звезд и золотыми дорожками огня. Камы. Волга была волнами о старинных стенах города, разлившись в огромное искусственное море, подпертое далеко отсюда плотной Куйбышевской электростанцией. Вода окружена земляными дамбами, окована бетонными плитами.



тоном. И где-то далеко-далеко, на мгновенье горизонт ее, словно дыры, выставляющие в ночь, сияют огнями волжские паромы.

Ночью и днем идут в Сибирь, пассажирские поезда. Ночью и днем идут поезда товарные. Они везут в Сибирь трубы, цемент, станки, аппаратуру. С каждым месяцем увеличивается их скорость. Все длиннее, тяжелее становятся составы. Они идут один за другим, почти так же часто, как поезда метро. Но и этого для Сибири мало. Возникла и живет такой же напряженной жизнью Южно-Сибирская магистраль. По морям и проливам Северного Ледовитого океана идут вдоль берегов Сибири караваны кораблей Севморпути. Скоро их поведет атомный ледокол «Ленин».

В воздухе спешат днем и ночью по многотажным трассам самолеты. Ниже всех летят самолеты

ЗДРАВСТВУЙ, ОМСК!

ЛИТЕРАТУРНАЯ
Л в СИБИРЬ ГАЗЕТА

Е. СТРОГОВА

ЛИЦОМ К ИРТЫШУ

ПЕРВЫЕ тонны асфальта в этом городе уложили лет десять-одиннадцать назад. До этого было в городе километров восемь булыжника. А в остальном он мало чем отличался от старых сибирских деревень: осенняя грязь, темные деревянные домишки, ставни наглухо закрытые еще с вечера.

Город насквозь продували свирепые ветры из сибирских и казахстанских степей.

На важнейшем до революции Любинском проспекте купеческие и обывательские дома были нарочно окрашены в немаркий серый цвет: степная сибирская пыль все равно красила все на свой лад. Тротуары на главной улице возвышались на добрый аршин над вековой сибирской грязью.

Архитектор Евгений Александрович Степанов рассказывал нам:

— Я помню день, когда был еще совсем молод и шел к любимой девушке по улицам Омска, держа в руке розу, которую мне удалось достать с превеликим трудом. Сердце мое пело, и я не очень способен был замечать, что делается вокруг. Но меня стали останавливать люди: им хотелось посмотреть на редкий цветок. Моей розе улыбались, к ней тянулись, о ней расспрашивали.

Роза на улицах Омска! Старый Омск не знал зелени, кроме разве чахлых хлыстиков, произраставших на главной улице.

И вот произошло настоящее чудо на Иртыше: пыльный сибирский город пышно расцвел. Шумное зеленое море залило его от края до края.

В первый день приезда мы бродили по территории одного большого омского завода. По длинным тенистым аллеям вышли к огромному фонтану — метров двадцать в диаметре — и опять углубились в густые аллеи. А заводских корпусов так и не увидели за плотным массивом зелени.

Омичи, влюбленные в свой обновленный город, с удовольствием рассказывают его историю. Секретарь горкома партии Алексей Алексеевич Родионов и председатель горисполкома Николай Аркадьевич Хелмницкий говорят об Омске восторженно.

Городской архитектор показывал нам Омск и рассказывал своим не столько о том, что есть, а о том, что будет, заставлял видеть облик города недалекого будущего. Он развивал перед нами необыкновенно интересную идею руководителей города — вернуть Омск лицом к Иртышу.

Мне приходилось бывать и в других старых сибирских городах. Как плохо, преступно обращались здесь с чудесными сибирскими реками!

Социалистический Омск, как и Новосибирск, получил в наследство от прошлого захлестнувшую реку, облепленную складами и старыми заводскими корпусами. И дома, повернутые к реке черным ходом.

Новый Омск мужественно пошел в бой против остатков старого, капиталистического города. Это оказалось длительной, тяжелой борьбой. В знаменитых маршутских землянках, прозванных так по имени владельца приватного завода Мариупольского котельного и воры, и убийцы. Сюда безошибочно шел угрозник, когда надо было разыскивать скрывшегося бандита. Сейчас все это срыто до основания, и на этом месте высятся многотажные дома. А немного дальше, где были угольные склады, насыпан плодородный чернозем и шумит пыльный сквер с фонтаном. Вот здесь только что сломали грязную чайную — забегаловку, носившую громкое имя «Ривьера», здесь же при-



Омск — город зелени.

шло ликвидировать старую свалку, принадлежавшую местной ТЭЦ.

Так постепенно появлялись и зеленели новые площади и скверы.

Это было бы трудно сделать, если бы за дело не взялась городская молодежь.

Поворот города лицом к Иртышу уже начался. Далеко видны свежие насыпи, будущие зеленые склоны набережной, которая протянется больше чем на двадцать километров. Она будет подкреплена железобетонной стеной. Прекрасные светлые дома, лицом к солнцу. Вот он — облик города недалекого будущего.

Омск за эту семилетку выстроит около трех миллионов квадратных метров жилой площади. Это почти равно имеющемуся сейчас жилищному фонду. Берег Иртыша — прекрасное место для роста нового города. К Иртышу протянутся и новые улицы поселка нефтеперерабатывающего завода — крупнейшего предприятия Омска. А в перспективе — новый город на другом берегу Иртыша.

Омск уже сейчас вправе считать себя одним из красивейших городов страны.

Омские архитекторы мечтают резко изменить планировку скверов и парков. Почему бы не приблизить их со-



В скверах плещут фонтаны.

Размахом, которому равного нет,
И темпами, самыми высшими в мире,
Вы докажете, люди Сибири,
Что в семилетке —
ШЕСТЬ ЛЕТ!

«Вторая природа» Сибири

Василий ЗАХАРЧЕНКО

спрашивает: кто это — мы? Нас шесть человек. И так в каждую смену. Здесь все автоматизировано. Главное — внимательно следить за тем, чтобы реакция не выходила за рамки данных параметров. Но ведь и это тоже делают механизмы...

Молодой татарин с загорелым умным лицом стоит и внимательно смотрит на красные вспышки лампочек под самопишущих приборов. Сколько нужно знать, чтобы так спокойно прислушиваться к скрытому гуланию десятков огневых вихрей высотой в многотажное здание, вихрей, омывающих стальные трубы, по которым медленно пульсирует черная кровь земли — нефти.

...Мы разговариваем с Михаилом Бутенко. Это бригадир первой на заводе бригады коммунистического труда. Вместе с одиннадцатью товарищами он работает на установке, извлекающей из масел парафин. Зеленоглазый парень с белой копной тщательно причесанных волос и с открытым, светлым лицом. Бутенко — 27 лет. Окончил семь классов, несколько лет работал, потом служил в армии. Вернувшись, опять учился, но уже твердо зная, что станет нефтяником. Сейчас это рядовой рабочий семилетки в лучшем понимании этого слова. Бутенко учится на заочном отделении института.

Кто учится из этих одиннадцати рабочих? Оказывается, один все. Кто в техникуме, кто в институте, кто в школе рабочей молодежи.

Бригада взяла на себя обязательство на двадцать процентов поднять производительность труда. Каждый решил освоить вторую профессию: машинист — профессию слесаря, слесарь — профессию машиниста, а оператор — специалистом по контрольно-измерительным приборам.

Я вспоминаю — раньше для того, чтобы получить звание оператора на установке куда более простой, чем эта, нужно было учиться в институте.

Курс в производстве правильно звать: Больше продукции! Меньше затрат!

рабочий должен был работать не менее пятнадцати-двадцати лет.

А теперь? При заводе есть вечерний институт, там учатся 164 человека. Сто пятьдесят человек занимаются на курсах подготовки в институт. На заводе есть учебный комбинат, который готовит техникумов и дает техническое образование десятиклассникам. На заводе есть вечерняя школа и даже собственная музыкальная школа.

На мой вопрос: «А как же музыка?» — она тоже необходимое условие воспитания рабочих? — директор завода Малуцнев ответил с полной серьезностью:

— А как же вы думаете? Наше производство — та же симфония, его без музыки и понять трудно.

Симфония автоматизации — здорово сказано!

...На заводе постоянно думают о жизни человека. О том, чтобы она была лучше устроена.

Только за счет сверхплановых накоплений и методом, заимствованным у горьковских строителей, были возведены целые жилые кварталы. Шесть миллионов рублей отпущено на строительство детского городка. Поражает своими размерами и масштабами Дворец культуры: здесь может собраться почти тысяча человек.

ДИРЕКТОР завода настойчиво говорит, что необходимо коренным образом изменить переработку нефти у мест добычи, в Башкирии.

Да вы поймите, — говорит он возмущенно, — что же это получается? Нефть, которую перерабатывают у нас, содержит до двух процентов воды. Да к тому же еще с примесью соли. А что такое два процента? А вот что! Один раз за 50 дней весь нефтепровод Сибири прогонят только воду, да еще соленую, ту, что разбавляет трубы. Как можно не думать об этом!

С этим нельзя не согласиться. Действительно, почему отгон воды не производят там, за тысячами километров от мотушного завода, у нефтяных скважин? Идет разговор о строительстве еще одного — Павлодарского нефтепера-

батывающего завода. Малуцнев высказывает мысль, что лучше было бы отказать от этого строительства и расширить Омский завод — это дало бы значительную экономию...

Когда-то А. М. Горький поставил на пьедестал человеческого счастья труд — труд, который преобразует землю и который, по словам Горького, является творцом «второй природы». Вот она — «вторая природа», утвердившаяся на бескрайних просторах сибирской земли. Она не только в дрожащей волне зеленых насаждений, цветов и кустарников, которые хлынули на улицы сибирских городов и стали частями жизни людей, решивших красиво и радостно жить.

«Вторая природа» встает перед нами огнем и железом — умная машина, завод, электростанция, все, что несет силу и могущество нашему народу. И вот нигде, как здесь, не осуществляется так зримый великий процесс творения «второй природы».

Об этом процессе невольно мы задумаемся сейчас, перед Пленумом ЦК партии. Комплексная механизация и автоматизация... За этими сухими словами здесь, в Сибири, видится новый расцвет жизни — жизни природы, — в том числе и «второй природы», жизни человека... Новый — красивый, возмущающий и вдохновляющий труд, творчество без границ, без препон.

Современная автоматизация и механизация — движущая сила нашей семилетки. И когда сейчас мы говорим о Сибири, мы говорим о крае, украшенном «второй природой», созданной нашими руками.

Эта природа не менее прекрасна, чем полноводные реки Сибири, горные хребты, ее просторы, ее тайга. И хозяином «второй природы» стоит на сибирской земле умный, талантливый, бесспорный, всматривающийся в будущее советский человек, воспитанный всей нашей жизнью, нашей партией.

Омск!

Пусть так работает великий наш народ, Пускай таким огнем горят у всех сердца, Чтоб нашей семилетке каждый год Победным был с начала до конца.

Движение за цветущую Сибирь началось здесь десять лет назад. Все земляные работы и посадки делают сами горожане, они сажают миллионы цветов, сотни тысяч деревьев каждую весну.

Но весной и летом тут сухо. В июне этого года деревья стали задыхаться от засухи. И тогда поднялся весь народ: в городе был объявлен день поливки — каждую неделю, по средам. И все омичи, от мала до велика, ранним утром высылают на улицу, чтобы вылить по пять ведер воды под каждое дерево. В среду от пяти до восьми утра в городе царит необычайное оживление. И малыши с крохотными лейками участвуют в общем деле.

Стоит ли говорить после всего этого, что больше никто не уничтожает цветов на улицах Омска, что никакие комсомольские засады уже давно не требуются!

Архитекторы Омска начали сейчас новый поход — за разгораживание всех садовых огородов, чтобы каждый человек чувствовал себя ближе к зелени, чтобы он чувствовал, что это не чьи-то там, отгороженные от него запертые цветы, а его собственные в такой же мере, как и всех омичей.

Но, конечно, не одна зелень — причина больших перемен в Омске. Например, здесь заасфальтировано уже около 280 километров улиц. Мы ходили по горячим еще полосам асфальта на набережной у впадения Оми в Иртыш. Многие улицы застроены многотажными домами. Омичи гордятся, что у них раньше, чем в Новосибирске, с которыми они соревнуются, газифицировано несколько тысяч квартир, а в ближайшие три года будет газифицировано еще восемнадцать тысяч.

Сейчас выдвинут лозунг: за два года покончить со всеми трущобами, переселить всех граждан из подвалов и домишек.

Ранним утром в зеленые заводские дворы, за час-полтора до начала смены, приходят рабочие, чтобы подышать свежим воздухом, походить под дуновением ветра, поиграть в футбол, почитать газету. Это — здоровье, это — продление жизни.

Недаром столько делегаций из разных городов едут в Омск поучиться зеленому строительству.

Омск — город-сад. Здесь уже найдены многие черты города будущего.



Строится новый мост через Иртыш. Рисунки С. КУПРИЯНОВА

Валентин БЕРЕГОВ

НА БЕРЕГУ

С тайгой степь соединяет, Задумчива и широка, Течет ты, рыжая, степная, Неторопливая река.

Не отражая берег плоский, Ты только на небо глядишь, Пока сибирские березы Не подбегут к тебе, Иртыш.

А Омск? Ты долго был в обиде На этот город. Жизнь текла, А он стоял, тебя не видя, В твою не глядя зеркала.

И ты, Иртыш, с немим укором, Не понимая ничего, Дивился свалкам и заборам Вдоль побережья твоего.

Но вдруг в предутреннем тумане Возникла пред тобой, река, Деревья, окна новых зданий, Цветы и золото леса.

Впервые, радостно сверкая, Ты отражаешь город свой, Где встретилась мечта людская С твоей красою вековой.



Старший оператор Омского нефтеперерабатывающего завода Михаил Бутенко с семьей на берегу Иртыша.



В Омске строится завод синтетических материалов. НА СНИМКЕ: монтаж резервуаров бутана.

Фото М. ТРАХМАНА

МЫ СТОИМ на высоте восьмидесяти метров, на легких железных мостках. Они сварены из тонких полос металла, они просвечивают насквозь. Там, внизу, от горизонта под нами расстилается обозреваемая с головокружительной высоты пейзаж завода. Мы находимся на вершине каталической колонны. В недрах ее при огромных давлениях и температурах осуществляется один из сложных процессов — процесс расщепления нефти.

Широко и привольно раскинулся перед нами Иртыш, подернутый дымок. Он обгигает территории Омского нефтеперерабатывающего завода. Почти вплотную один к одному поставлены белые и серебристые цилиндры складов готовой продукции. За строгими рядами дымящихся труб, за фантастическим переплетением железных ферм и конструкций — наклонные стеклянные крыши парников. Могучий завод как бы делится теплом с землей, круглый год прогревая овощи и ягоды.

У нас за спиной — железнодорожная станция, нефтяной город. Почти у горизонта — завод синтетических материалов.

— Наш нефтеперерабатывающий — оромнейшее предприятие, — говорит директор Александр Моисеевич Малуцнев. — Для того чтобы жизнь существовала, по кровеносным сосудам должна идти кровь. Так и у нас. Встают, дышат, работают новая, индустриальная Сибирь. Ее кровеносные сосуды — нефтепроводы, идущие через сибирские просторы с запада — от склонов Урала. По ним льется поток горячего, который сегодня так необо-

дим промышленности Сибири, тракторам и механизмам целинных земель. Рядом с нами вспыхивают яркие звезды электросварки. Гигантский завод строится. Сварщики соединяют трубы и металлические фермы.

— У нас завод — это не только производственный корпус, не только трубопроводы и вот такие железные колонны, на которых мы стоим, — говорит директор. — Это поселок и городок строителей, это трамвайная линия, которая проведена сюда из Омска, это Дворец культуры, это теплицы для овощей, это пионерский лагерь, это спортивные площадки.

Малуцнев заканчивает с жаром: — Завод в Америке — место, где складывают деньги. А у нас? У нас — это жизнь людей, их школа, их будущее и, если хотите, их счастье и судьба.

НЕФТЕПЕРЕРАБАТЫВАЮЩИЙ завод — яркий пример того, что может дать современная техника, чтобы сделать человека свободным хозяином своего труда и жизни. Здесь мы видим сочетание новейших химических процессов, происходящих в гигантских масштабах, и современной автоматизированной техники управления этими процессами.

Когда находишься у пульта управления одной из сложных установок, невольно забываешь о том, какие гигантские химические реакции осуществляются где-то рядом с тобой. Перед глазами — квадратные и круглые стекла самопишущих приборов. Приборы не только фиксируют температуру и давление, — они управляют процессами.

Гигантская Юдаша — оператор, работающий сегодня у пульта, — рассказывает: — За сегодняшнюю смену мы должны переработать много тонн нефти. Мы

ГЕРОИ И ЭПОХА

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Ему, например, хотелось бы изобразить в своей фотографии рынок и дать нам понятие о рынке. Но если бы на этот рынок шар (что может когда-нибудь случиться), то г-н Успенский сяд бы и в это случайное и совершенно не относящееся к характеристике рынка явление. Если бы из-за рамки картины проглядывал в это мгновение кончик коровьего хвоста, он бы оставил в коровий хвост, решительно не заботясь о его ненужности в картине.

К сожалению, любовь к подобным «коровьим хвостам» весьма еще распространена в литературе. И это совершается в то время, когда в искусстве остро ощущается необходимость философского осмысления жизни. Как хорошо, что есть у нас драматургия, которая активно противостоит такой фотографической «точности». Я имею в виду прежде всего драматургию Леонида Андреева. Его творчество так захватывает сердца и так волнует умы именно потому, что он выступает как подлинный реалист, умеющий сочетать в искусстве поэзию и философию.

А какой глубокой философией пронизана трилогия о Ленине Николая Погодина!

Театр Маяковского много и дружно работает с Александром Штейном. Нас привлекает к нему прежде всего его стремление противопоставить плоскому натуралистическому фотографизму философский подход к жизни. Некоторые пожелания: «Гостица Астория», «Время обороны», «Об обороне мало сказано!», «А по-нашему, какие бы недостатки ни были в пьесе, главное в ней как раз то, что Штейн писал не только о фактах обороны Ленинграда, а раскрывал политическое и философское значение тех принципов нашей жизни, которые зовут к вере в человека, к торжеству справедливости, каяются души. Можно спорить о том, насколько это удалось ему, — в искусстве вообще бесспорно мало, — но не видеть замысла драматурга — нельзя.

В нашу героическую эпоху особенно следует вспомнить слова Горького о том, что «Наше искусство должно встать выше действительности и возвысить человека над ней, не отрывая его от нее».

В этой связи мне хотелось бы от души сказать такому яркому драматургу, как Анатолий Софронов, несомненно мастеру диалога, художнику с острым взглядом на жизнь: вы любите, как и некоторые драматурги, быт. Хорошо, идите своим путем. Быт — это и Островский. Но помните, что когда вы захотите, — а вы не можете не захотеть, — создать из своих богатых и подробных впечатлений о жизни большую эпическую драму, то не отрываясь от земли, вы, несомненно, прибегнете уже и к романтике, к той поэтической возвышенности, которая не покидала Островского тогда, когда он писал «Бесприданницу», «Анну Каренину» и «Пугачева», «Анну Каренину» и «Пугачева», «Анну Каренину» и «Пугачева».

Надо совместить быт и философские воззрения драматурга, быт и глубокую напряженную и страстную мысль о всей стране и о всем мире, быт и самый широкий взгляд на человека. И тогда вы, Анатолий Софронов, после «Человека в отставке», вы, Николай Витта, после «Давней неоплаченной», совершите закономерный шаг к драматургии иного, более широкого дыхания.

Что, на мой взгляд, мелочит и принижает образы, создаваемые этими драматургами?

Пушкин писал, как известно: «Пестина предель, правдоподобие чувствований — в предположении обстоятельств — вот что требует наш ум от драматического писателя».

У нас многие драматурги стремятся все сделать, чтобы персонажи их пьес обладали «истинной страстью» и «правдоподобием чувствований», но мало требовались в выборе «предположаемых обстоятельств». А какая может быть достигнута высокая «истина страстей», высокий накал их, когда авторы не занимаются тщательным отбором «типических обстоятельств», забывая о том, что является подлинно характерным для нашей современности. Ведь мелкие, случайные для нашей действительности обстоятельства ведут к измаленьким самим «типическим характеристикам», делают мелкой и «истинной страстью» и «правдоподобие чувствований».

Как, где найти «типические обстоятельства» для нашей современности?

Там, где трудятся люди во имя выполнения величайшей программы строительства коммунизма, намеченной XXI съездом КПСС. Там, где народ-исполнитель со сказочной быстротой создает новые города, заводы, фабрики. Там, где советский молодежный людоед соборится урожаем на необятных пространствах.

Жанр монументальных героических драм должен властно потребовать слова на сцене. Монументальность особенно должна быть чужда «культу факта», она особенно нуждается в широком обобщении и типизации. Пусть они смело прибавляют к ярким и ослепительным краскам, о которых писал Бетховен, анализировав «Тараса Бульбу». Ну, не

прямой ли долг, не высокие ли наслаждения написать в таком «бульбовском» масштабе, такой же размахистой кистью, с такой же щедростью чувств картины освоения целины, покорины Ангары или изобразить десяток иных необыкновенных и грандиозных событий, в которых так горячо бьется пульс народной жизни!

Жизнь всегда считалась богаче любой фантазии художника, но теперь она стала настолько грандиозна, что может оставить далеко позади самую блестящую выдумку. Связь искусства с жизнью народа — это главное. Не будет этой связи — не будет у нас полнокровной реалистической драматургии. Мы высоко оценили и глубоко поняли все огромное значение высказываний Никиты Сергеевича Хрущева о связи литературы и искусства с жизнью народа, призыв, чтобы художники слова писали, зная, о чем пишут, чтобы они писали правду, только правду.

Если бы инные драматурги знали, какую мучительную работу приходится часто протыкать актеру по спасению какой-либо роли общего о жизни не имеющей роли или пьесы, в которой под румянами, искусно наложенными автором, спрятаны проштампованные сотни раз схемы «передового инженера и консервативного директора» или «парторга», излагающего вслух переводы газет!

«...Если бы артист, — писал один из могучих режиссеров и актеров русской сцены А. П. Ленский, — в продолжение двух-трех часов пережил половину тех мук, какие испытывает актер на репетициях и в тиши своего кабинета, когда с бесконечной злобой в душе он разбирается в добрых этой беспробудной лжи и подыскивает для нее правдивые звуки и мимику...»

Драматурги могут тут же предостеречь в свою очередь счет актерам, не справившимся со многими ролями в современных пьесах, но надо серьезно подумать о мучках тех актеров, которые прекрасно играют в «Грозе» и «Гамлете» и давольно уже жалуют живых полнокровных образов героев наших пьес.

Что прежде всего мешает актерам в слабых пьесах? Две вещи. Незнание драматургии жизни и незнание творческих принципов, являющихся самым высоким достижением в искусстве актера, — я говорю о системе К. С. Станиславского.

Особенно пагубно первое: незнакомство, надуванность, нереальность образов во многих пьесах. Если среди драматургов не окрепнет, не разрастется движение за связь искусства с жизнью народа, за развитие тех традиций, которые всегда приобщали русскую литературу и русскую драматургию к народной жизни, — древо искусства не будет расти и цвести.

Островский писал: «Для того, чтобы быть народным писателем, мало одной любви к родине, любовь дает только энергию, чувство, а содержания не дает, надобно еще знать хорошо свой народ: сойтись с ним покороце, сродниться».

Холодное, голодное знание превращает художника в того юрисконсуланта, который сочинил «Доказ в пользу бога». В искусстве немало таких доклячковых юрисконсултов: докладывают текст, докладывают роль, докладывают постановку. Есть драматурги, которые думают, что пишут пьесу, а на самом деле сочиняют доклад в пользу новых квартир или в пользу еще чего-нибудь...

Правда, истина прежде всего. Объявив борьбу с сентиментом в кабинетах, у теплых каминов, объявив войну «башням из слоновой кости», которые нынче создают из простого дачного теса. Отправимся туда, где идет сейчас грандиозное строительство новой жизни.

Как важен для нас, художников, совет Никиты Сергеевича изучать жизнь не с чужого хода, не с «кочки зрения», а видеть, осязать, чувствовать ее!

Только глубокое понимание исторического смысла явлений, отбрасывая художником в жизни, может быть залогом полноты его реализма.

Самое страшное для художника — быть объективистом. Объективизму (и вытекающему из него формализму) мы должны противопоставить ясные, точные позиции марксизма-ленинизма. Не «констатировать», а оценивать явления — без этого нельзя быть партийным в искусстве.

У кого-нибудь из моих читателей может возникнуть недоуменный вопрос: почему я, режиссер, говорю только о драматургии. Да, в театре, бесспорно, много своих недостатков. Но сегодня больше всего тревожат и волнуют всех нас, работников театра, судьбы современной драматургии.

Театр задерживает свой ход, театр не выполняет свои святые обязанности перед народом, потому что в первую очередь — и это главное! — не выполняет своих святых обязанностей перед народом драматургия. Так остро стоит вопрос. Без великих скитов, Пьесы пишут многие. Пьес много. Но среди них мало пьес о «самом главном», об истинных героях нашего времени. И мало в них художественного мастерства, глубины, сложности.

Со всей убежденностью в огромных потенциальных возможностях драматургии и драматургов мы, театральные деятели, желаем писателям новых замечательных произведений. Пусть, познав мир, они пишут пьесы, каждый человек на нашей земле увидит в вас уроки и честного друга, учителя.

Свои силы в литературе пробуют сотни тружеников целинного края.



В Москве с большим успехом выступил итальянский певец Марио дель Монано. На снимке (слева) Марио дель Монано среди артистов Большого театра. Фото Н. РАХМАНОВА

Новые стихи

Владимир ЛИФШИЦ
У ЛАНОВА —
ДЖУЛЬЕТТА

Язык искусства вытеснит и мочу. Призыв трубы и плач влюбленных. И девушка, похожая на луну, Слетает к нам с картины Боттичелли. Под небом нестерпимой синевы Пред ней открыты стройные ворота. Где дремлет геральдические львы И тусклая мерцает позолота.

Сейчас начнется горестный рассказ. У Капулетти в колокол ударят... Как мир велик! Как много жаждущих Как счастливы тот, кто счастье людям дарит!

Звенят клинки. Они уже в крови. Отныне враждуют. Страстно любят дети. И русская Джульетта по планете Летит сегодня вестницей любви.

Ашот ГРАШИ

КАМЕНОТЕСАМ АРМЕНИИ

Вы, камешники, заняты работой. Весь день не разгибаете спины. Охвачены весь день одной заботой — И, кажется, вы камнем рождены. Вы, камешники, заняты работой.

Попрошу камень в знамя развернуть! Вы — скалы, вы еще не до смугли бы. И ваша грудь — точь-в-точь утеса

И ваши мышцы — каменные глыбы. Смогли вы камень в знамя развернуть! Армения родной каменотес! Во взорах ваших гордых что-то есть От соколов, сидящих на утесах. На плечи к вам орлы смогли бы сесть, Армения родной каменотес!

От пыли лица смуглые белы. Вас хлещут ветры в бешеном веселье. И ваши кудри — жесткий мох скалы. На ваших лбах морщины, как ущелья. От пыли лица смуглые белы.

Стук молотков. А в мудром стуке том Звучат напевы музыки крылатой. Вы строите, и каждый новый дом — Не новый дом, а новая соната. Стук молотков. Искусство в стуке том.

Колонны, стены — все полно значенья. Вглядись — ты очарован будешь всем. Здесь соткан лучами вдохновения Немаю дивных сказок и поэм. Здесь все полно великого значенья.

Армянские поэмы — города! Здесь каждый камень — генеральной строчкой, Здесь торжество священной труда. Здесь капли пота на камнях, как точки. Чудесные поэмы — города.

И приложу я все свое старанье, Отбесыаю каждый новый стих. Пускай взлетит эпоха ваших зданий На крыльях песен радостных моих — Тому порукой все мои старания.

Перевел с армянского Владимир САВЕЛЬЕВ

Юбилей

поэта-переводчика

Общественность Туркменской ССР отметила 60-летие со дня рождения поэта Георгия Николаевича Веселкова, перу которого принадлежат многочисленные переводы произведений классической поэзии, фольклора, творчества современных поэтов и народных сказочников. Книжки переводов Г. Веселкова выходили в издательствах Москвы и Ашхабада.

В адрес юбиляра поступили приветствия от Союза писателей СССР, правления республиканской писательской организации, литераторов Москвы и братских республик. Верховный Совет Туркменской ССР награждает Г. Н. Веселкова Почетной грамотой.

За лучшие произведения литературы и искусства

Совет Министров Дагестана и бюро обкома партии установили ежегодные премии за лучшие произведения в области литературы и искусства. За 1958 год присуждены премии: имени Сулеймана Стальского народному поэту Дагестана Р. Гамзатову за поэму «Горняк», имени Эфенди Капиева — литературоведу А. Агееву за монографию «Сулейман Стальский и критико-библиографические очерки. Премии присуждены также главному редактору кумыкского музыкально-драматического театра Г. Рустамову, композитору Н. Дагирову и другим.

Дружеские шаржи и эпиграммы



ЛЕТОМ В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ

Конст. ФЕДИН

ИДЕТ покой, и воздух сладок. На полянах в парках, в лесу, где только можно размахнуться косарю, стоит стога.

Прошел Большой поляной, от Развилки прямо дорогой на Воронку. За мостом выбрал в кустах бережок покрепче и улегся.

Возвращаясь, подыжая к лесному колоду, из которого иногда брал воду призравший сюда с бочкой Лёва Толстого. Прошел лесом вверх и потом — пашней вдоль опушки.

Художник сидит с этюдником, пишет Скамью. Я спросил — не помешаю ли, и сел. Он продолжал писать. Еще ранний час, очень тихо. Влади изредка — ниволта, но уже коротко, понемногу. Мы поговорили тоже, как ниволта, не спеша, о самом простом, неволнующем. Живет он с другими художниками в Груманте, в «Казаире» (стороже лесника), месте историческом для этого селения: там была устроена засада отступающих из Ясной поляны немцев. Фамилия художника Романов, он служит в Тульском областном книгоиздательстве.

Елочками пошел домой. На полушпиге встать под ноги: фр-рр! — терка, быстро скривилась за стволами. И опять тихо.

В ранний утренний час ходил на могилу. Ни души. И в этом одиночестве — внутренне открытая, ничем не стесненная благодарность за все, что он дал всем и мне, как крохе этих «всех». Растроганное чувство, близкое молитве, но совершенно свободное от какой-нибудь формы общепринятого. Может быть, высшая сосредоточенность.

Прогулка по узкой, тенистой тропе, обнимающей Чепыж вдоль Красного сада. Каждое утро, иногда и днем. Тут лучше дубы, и у некоторых стоишь, не можешь уйти, оторваться. Есть многосветие.

Такие стояния всегда щедро дарят раздумью о его романах и — да простится мне грех — о своем (эпизод о подругах, давно написанный, проверяется и обещает стать краше, нежнее, дороже для сердца самих героинь).

Иду затем пашней. На границе Чепыжа с Елочками сижу под ветлой — чепыж, нет, пятистольной — на опушке. Глажу на хлеба.

Раз подходят две девочки, подростки:

— Можно вас снять?

— Зачем?

— Мы... мы, извините, вас узнали.

Очень смущены. В стороне — незаметно подошедший выводок таких же девочек и парнишек. Знакомится. Они окружают меня.

— Кто вы такие?

— Экскурсия туристов.

— Откуда?

— Из Рязани. Школьники.

— Что же, так и пришли из Рязани?

— Нет, до Тулы мы доехали, переночевали, а сюда пешком.

Говорит очень славно, мило, и с любовью, с тонким детским румянцем девочки, усеянная рядом со мной.

— Как же вы в классовой?

— Деятого и десятого.

— Ну, а вот вы какого?

— Я? Я — педагог.

Чуть не подкакиваю. Все улыбаются, но почтительно. И с любовью смотрят на своего педагога, которая ничуть не терется под моим ослепленным взглядом, а только показывает прекрасные зубки.

— Что же вы преподаете?

— Литературу.

...Ну, все как-то сразу озаряется ясным смыслом: рязанские «туристы», собранные в кануны вдохновенной учительницей с годовым стажем: неизбежная складчина, кусты на берегах реки, каша, похлебка, чай с черным хлебом; и поход к самому Лёву Толстому; и разнотравье рты и глаза перед дубом в Чепыже, где когда-то гроза застала Софью Андреевну; и этот дуб, переживший потом в сцену грозы — в «Анну Каренину»; и трагическое повторение эти сцены тут, в лесу, устами девочки-учительницы, уже рассказавшей о грозе раньше, на уроке литературы... И вот, конечно, кто первый меня, «извините», узнал!

Мы снялись вместе и расстались друзьями. Дети пошли к Скамье, а я к себе, счастливым, что живу с такими детьми, в такой России, сам такой русский.

Иду опушкой. По дороге навстречу — грузинки, на нем — веселые бляхи с песней. Стоят в обнимку, припадают, приседают, когда по головам их шелкают и хлещут листья низко висящие ветви берез, дубов, лип. Хлопают мне в ладоши, отвечая тем же, они громко подхватывают песню, хохочут. Мне очень радостно.

Возят сено.

Раз возвращаюсь с Воронки, самусь на пригорке у самого края лесного клена — отдохнувший. Полет грузинки с колокольчиками. Останавливается. Женщины, девушки сбрасывают на землю грабли.

— Отдохнул, бабоньки!

Поднимаются в тень, садятся и ложатся на лугу. Кое-кто достает завтрак, кое-кто, уткнувшись в согнутые руки, дремлет. Половина десятого утра.

ИЗ ЗАПИСОК
На протяжении последних двадцати лет мне посчастливилось бывать много раз в Ясной Поляне. Я не могу представить, что наступит время, когда Ясная Поляна будет чуждым для меня и себе не только как памятник русской истории, одавшей мир Лёву Толстому. И вот мне хочется в этих записках рассказать о Ясной, какой она была в первый год Великой Отечественной войны. То, о чем говорилось в этих записках в 1957 году, вовсе не должно войти в роман. Но без таких записок я не мог бы писать роман.

ра. Солнце уже сильно палит. Я сижу с полчасца, потом уожу; оглядываюсь с поворота дороги, — бабоньки сидят на прежнем месте.

Удивительно хорошо по краскам был спор о границах Калинова (в «Анне Карениной» — Калиновский) дуга вечером 24 июля 1957 года... Мне казалось, я слышу голоса дореформенного 1857 года — голоса спорщиков о заливных лугах, о межах по речной пойме, об овражах, ручьях, мысах, старицах, кочках, елках, рощицах. Ведь и сто лет назад призывали тяжёлыми стариков, дабы свидетельством своим показали, от каких пенков починали деды закатывать пойму, сколько косарей выходило на косовицу, много ли дён требовалось на выкос всего дуга. И сто лет назад звенели голоса, страсти пламенили и размахивали руками энтузиасты, указывая на бугорки, излучники, складочки местности, и поматывали в борозды, посмеивались скептики, заправляли в ноздри свежую поющую табак.

И вот век спустя, на сороковом году революции, тоже пылают яры спор о дедовских границах славного, знатного по величайшей русской литературе Калинова дуга.

Но что же идет за тяжба? Кто же так воодушевляется и овекает мановениями рук благодушно-прекрасный дот? Кто задумчиво улыбается? Кого зовут в свидетели далекого былого? Не тянутся ли несправимые сутяжники в споре за доходы от покосов? Не раздоры ли соседней забубушки на игрище бережках ручья Кочка с рекою Воронкой?

Нет. За доходы никто не тягается, о раздорах никому помышлять.

Спор идет об установлении истинной картины уже далекого прошлого, которое живет и должно вечно жить в неуничтожаемом памятном наследии Лёва Толстого, — спор немалый не юридический, спор историко-литературный, спор научный, спор — можно сказать — художественный.

Внуки и правнуки наши, придя по живую воду толстовского гения в Ясную Поляну через сто лет, спросят, как спрашиваем мы: — А где же находится Калинов дот? — И они должны получить ответ: — А вот от той излучины Воронки до того мыса Кочка поныне Грумантовский елок и простирается толстовский Калинов дуг.

В споре же этом, действительно страстным и увлекательнейшим, участвовали не корыстолюбцы, а люди самого, быть может, бескорыстного на Руси племени — музейные труженики, работники советского просветительства, а равно их почитатели. Вот их перечислю: Николай Павлович Пузин, Сергей Сергеевич Толстой, Валентин Федорович Булгаков, Александр Иванович Поповкин с супругой Александрой Ивановой, подошедший прохожий — ветеринарный фельдшер Тихон Лазаревич Егоров и аз грешный, заменивший Егоровых такой историк курительных современности.

Но после спора о Калиновом дуге, когда возвращались, возник другой спор, и он примечателен в том отношении, что показывает, как быстро улетучиваются из памяти свидетелей даже глубоко пережитые ими события и как неизбежны разногласия показаний о подробностях отнюдь известных фактов. Велика же цена воспоминаниям!

Мы остановились на выходе ведущей от дома Толстых тропы на дорогу, которая идет мимо риги к Развилке. Булгаков стал вспоминать, как несли гроб Толстого из дома к месту погребения. Он сам был в числе несших и говорит, что шествие из дома направилось через сад прямо к Развилке. Сергей Сергеевич Толстой, ссылаясь на рассказ своего отца, Сергея Львовича, тоже проводившего гроб к могиле, стал утверждать, что — действительно — несли садом, а потом Чепыжом, но не пошли к Развилке. Булгаков оспаривал это утверждение: он ведь сам нес гроб на своем плече, помнит, как обходили встречные деревья и чуть ли не самые эти деревья, к тому же прямой, кратчайший путь к Развилке избрала потому, чтобы скорее, засветло дойти до могилы, и что уже наступали сумерки, — прощание с телом в доме очень задерживалось. Но Сергей Сергеевич не хотел уступать. Ему ведь только говорил о похоронах и показывал, как следовало к могиле шествие, отец! Тут в спор вступило новое, третье мнение (кажется — Пузина), основанное на точном, не раз проверенном в Ясной Поляне предании, что гроб несли к Развилке по дороге, идущей мимо риги (от Дома Волонского), и значит — виднелась — минуя сад, прямой тропой, выходящей на эту дорогу. Мнение это было отвергнуто вовсе, но две первые версии остались неприкосновенными...

Заявлен был и еще один спор, правда, не столь упорный: какие деревья у могилы исчезли после похорон, — какому был вид окружающего ландшафта, когда народ слушал, как раздается в лесу стук падающих на гроб Толстого комья земли. На это вот дерево в два ствола, в вылку его, забралась тогда молодая женщина, студентка (студентов много было на похоронах). А рядом стояло большое старое дерево, наверно, липа, — его уже нет. Оно тоже было облеплено залезшими на него людьми... Тогда залезли «взвнуло» падающей, весь путь от Козловой застройки сопровождала толпа, были заметны, пока находились в дороге, потому что были переодеты в штатское. А когда народ стал на колени, фигуры их, оставшиеся на ногах, сразу обозначились столбами. Тогда раздался чей-то голос:

— Погибли! На колени! И голос этот подхватили другие. Полицейским пришлось опуститься... Наверно, первым, кто крикнул, и был один из залезших на деревья — сверху виднее всего оказались во-фронт стоявшие чины... За сорок семь лет после смерти Толстого немало изменилось здесь, в окрестностях. Есть что сравнить с прошлым, что вспомнить. Значит, есть и о чем поспорить.

В нескольких шагах от могилы Толстого зарыл его конь Делер. Место урвано с поверхности земли, — его не заметишь, если не укажут. Так и должно быть. Конь пережил хозяина — пал в 1912 году. Под старость он был совсем плох, последние годы его подвешивали в конюшне на лямках. А что за красавцем был он под своим неповторимым в мире седоком! Вспомнить только, как написту об этом седоке Илья Репин — истину с толстовской силой пера... Как-то в сиде и мотили, когда к ней привели маленьких детей. Они тянулись целочкой, держа — парами — друг друга за руки. Галчата, превосходно воспитанные, приветливые, — это были питомцы детского сада шахтерского Шекина. Воспитательница стала им что-то рассказывать о том, что тут похоронен. Думаю, материя была не по молочным зубкам, и детки смотрели по сторонам и больше всего — по верхушкам деревьев. Я разговаривал перед этим со сторожем, охраняющим могилу, — ясновидящим крестьянином, наторевшим на роли старожилки, помнящего «самого» Лёва Николаевича, который некогда прирезал землицы к бедному наделу его родителей и тем вынул семью. Когда дети явились, сторож сказал, что «надо присмотреть», и пошел поближе к могиле. Воспитательница торопилась поднять свою благонамеренную речь и едва только добралась до последней точки, как сторож сказал какое-то слово, и на это слово, точно на выстрел хлопнувший, вмиг обернулся и неминуемо все до одной малюшки толпы. Он пошел, и за ним кинулись неудержимой стайей ребятишки и остановились, как только остановился он, и замерли, и стали глядеть широкими глазами, не моргая, вниз, на тот кружок земли, на который смотрел и сторож, что-то очень тихо говоря. И тогда, когда он уже перестал говорить, дети все еще не двигались, а, наклонив головы, продолжали молча, изумленно глядеть в землю: сторож пошел их к месту, на котором зарыл Делера...

Робота ушли чрезвычайно довольные, а сторож, подсаживаясь опять ко мне, сказал, довольный не меньше детей: — Им бы не про чего больше, только про лошаду... Уж я знаю!..

Возвращаясь домой, встретил Марию Павловну Прилежскую. С мужем, сыном и подругой она ехала из Симферополя в Москву. Все измучились, мечтали о ночевке. Я позвонил ей с Поповкиным, и он предложил путешественникам остановиться в Кучерской избе: памятник этот (о последней ночи Лёва Толстого в Ясной) теперь — «база туристов». Вечером Мария Павловна была у меня, — мы толковали о Москве с ее страстями литературной нашей мамы. Но о чем ни пошла бы речь, Мария Павловна все сводила к не покидавшему ее восторгу...

Подумать только, — нас ждет ночлег в той самой Кучерской избе!.. Хотел выкупаться в Среднем пруду, но вода сильно затянута рыской. Ступени в купальне настолько круто поставлены в воду, что потребовалась вся моя хитрость, при отсутствии акробатичности, чтобы умыться и помыть руки.

Купальня сохраняет вид, какой имела при Толстых: обшитоенный огородный плетень, навешанный на колы, утраченные между четырьмя столбами, в которых повешена сама решетчатая купель.

Рядом с купальней прежде находилась «моина» с мостком, который бросился в пруд Софья Андреевна, пытаясь покончить с собой после событий 1910 года.

Ходил по Клину — единственному в Ясной регулярному парку. Яблони, насаженные в садах «клинах», т. е. внутри прямоугольника из липовых аллей, плохо растут из-за недостатка света, но их продолжают подсаживать, стараются поддержать Клины в том виде, какой они имели еще при Волонских. Старые, выжившие и частые столбы лип в аллеях похожи на колоннады. Здесь тихо, слышно, как перепархивают певчие птицы, сейчас уже не подающие голосов.

Поездка в Кочки. Поселок, выросший тут, носит вполне современный облик индустриального создания. Почти вплотную к огромному газовому заводу примыкают улицы старого поселения из небольших рабочих домиков, а за ними вырос целый ряд новых многоквартирных зданий жилых корпусов, куда протянулись асфальтовые дорожки. Каким образом случилось, что первый поселок слился с территорией завода и население круглые сутки дышит газовыми отходами, — непонятно. Газовые дымов трубы доходят до Ясной Поляны, и дымовые не раз принимались хлопотать о переводе завода в другое место, потому что дымовый дым угрожал, в конце концов, всему зеленому миру заповедника. А тут люди глотают из дымов и ночью. Конечно, перевод завода на другое место — совершенная нелепость. Хорошо, что новый поселок строится теперь вдали от завода.

Совсем близко к заводу оказалась и Кочковская церковь с толстовскими некрополем. Вид ее очень привлекает тех, кто, окруженный ее старинными крестными стенами с грузыми башенками XVII века.

В некрополе я долго не мог отойти от могил Ванечки и Алешки, уже в наше время безвременных сюда из Подмошья. Ванечка, наверно, был последним общим любимцем Лёва Николаевича и Софьи Андреевны. Толстых — последнего у них никто их так нежно и сильно не мог связать. И еще две могилы долго меня останавливали: под общей оградой, под одинаковыми белыми крестами лежат обе сестры — Софья и Татьяна Андреевны. Сколько ревности к своей Танечке отдала Софья Андреевна, сколько обид натерпелась от нее в последние годы в Ясной Поляне и сколько обид сама нанесла ей, нетерпимо выслушивая уже старческие гордые воспоминания... Наташи Ростовы. Время отведло им места рядом...

По Кочкам водил меня Николай Павлович Пузин, трудом которого обязан некрополем порядком и самым собранием захоронений из разных

что вспомнить. Значит, есть и о чем поспорить.

В нескольких шагах от могилы Толстого зарыл его конь Делер. Место урвано с поверхности земли, — его не заметишь, если не укажут. Так и должно быть.

Конь пережил хозяина — пал в 1912 году. Под старость он был совсем плох, последние годы его подвешивали в конюшне на лямках. А что за красавцем был он под своим неповторимым в мире седоком! Вспомнить только, как написту об этом седоке Илья Репин — истину с толстовской силой пера...

Как-то в сиде и мотили, когда к ней привели маленьких детей. Они тя

